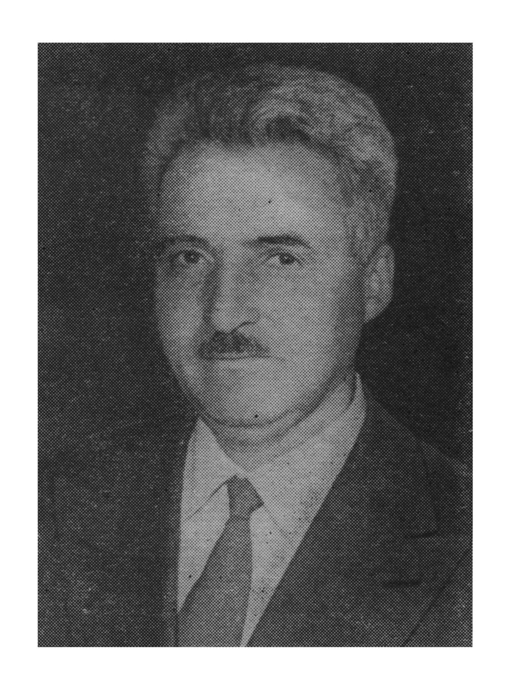
БИБЛИОТЕКА
ОГОНЁК

№ 24 1958

Константин СИМОНОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

ИВАН да МАРЬЯ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 24

Константин СИМОНОВ

ИВАН ДА МАРЬЯ

ПОЭМА

Издательство «ПРАВДА»
Москва. 1958

Константин СИМОНОВ

Константин Михайлович Симонов родился в 1915 году в Ленинграде. Окончив в 1930 году семь классов, учился в ФЗУ и до 1935 года работал токарем по металлу в Саратове, потом в Москве. С 1934 года по 1938 год учился в Литературном институте имени А. М. Горького, сначала на вечернем, потом на дневном отделении.

В 1938 году вышла первая книга его стихов — «Настоящие люди». Тогда же были написаны поэмы «Ледовое побоище», «Суворов». За этим последовала книга «Стихи 1939 года», посвященная событиям на Халхин-Голе, где поэт работал в армейской газете «Героическая Красноармейская».

В июне 1941 года К. Симонов был призван в армию и на протяжении всей Великой Отечественной войны состоял военным корреспондентом газеты «Красная звезда». В начале войны вступил в партию.

В годы войны награжден орденом Красного Знамени и двумя орденами Отечественной войны 1-й степени.

К. Симонов, кроме ряда книг стихов, написал пьесы: «История одной любви» (1940), «Парень из нашего города» (1941), «Русские люди» (1942), «Под каштанами Праги» (1945), «Русский вопрос» (1946), «Чужая тень» (1950) и др.; прозаические произведения: «Дни и ночи» (1943—1944), «Дым отечества» (1947—1956), «Товарищи по оружию» (1952), несколько книг рассказов и очерков.

К. Симонов — депутат Верховного Совета РСФСР.

ИВАН ДА МАРЬЯ

1

Дорогая Марья Петровна!
Тридцать лет я вас помню ровно,
С того детского далека́,
С того самого незабвенного,
В бывшем монастыре, военного,
Дивизионного городка,
Где ваш муж служил — компульроты,
А отец мой — помкомполка.
Вы считались первой красавицей
В общежитии начсостава.
Ну, а я, позвольте представиться,
Жил в соседней келье направо,
С мамой, с папой, в маленькой комнате,
Долговязый такой — не помните?

Вы казались мне очень старой
В мои девять тогдашних лет.
Вы любили петь под гитару,
Засмотревшись на лунный свет;
И, в то время уже седая,
Моя мама отцу шептала:
— Хорошо поет. Молодая...—
И зачем-то тихо вздыхала.

А наутро вы с нею вместе
Гимнастерки мужьям стирали
И взаймы то ступку и пестик,

То машинку швейную брали,
Обсуждали в полку события:
— Кто получит к Маю комбата? —
И в подшефный детдом к открытию
Шили байковые халаты...
А всего вам, Марья Петровна,
Было двадцать четыре ровно,
И Иван Степанычу тоже —
Вы его на месяц моложе.

На Херсонщине, под Каховкой,
В январе двадцатого года
Приглянулся он вам — комвзвода:
Невысокий, поджарый, ловкий,
Над губою усы, как стрелки,
И глаза с татарской косинкой,
И рука на черной косынке —
Пулей ранена в перестрелке.

Вас не сватали, не венчали,
Все решилось в одну неделю.
Но, не долго думав вначале,
Вы всю жизнь потом не жалели.

В злую зиму, пригрев, как птаху,
Муж возил вас с собой по шляхам,
Все боясь: комиссар бригады
Разузнает — не даст пощады!
(Когда к вам теперь заезжает
Член Военного Совета,
Он с улыбкою вспоминает,
Как смотрел сквозь пальцы на это.)

Приходилось в году том грозном
Многим женам, да и невестам,
Кочевать с бригадным обозом
По сожженным Махно уездам.

К лету, свыкшись с армейским бытом,
Научились вы без опаски

Делать раненым перевязки
И глаза закрывать убитым.
А под осень в случайной стычке,
Когда банды вас окружили,
Пулю в лоб махновцу влепили,
Лишь потом всплакнув с непривычки.

Но зато и губ не разжали,
Чтоб не слушали, не глядели,
Когда сына в ту ночь рожали
Раньше срока на три недели.

Так с похода, с солдатской каши,
С пули в лоб бандиту — не струся,
Началось замужество ваше,
Материнство ваше, Маруся!
(Так вас ласково, глядя на ночь,
Называет Иван Степаныч;
А вы на́ людях — всё Иваном,
А одна, без людей,— коханым.)

И сейчас вот сидим мы с вами,
Перебрасываемся словами
В том немецком городе Коттбус,
Где Иван Степаныча корпус.

На тарелку, как гостю званому,
Вы кладете мне все подряд,
А сама — нет-нет — на коханого
Да и кинете быстрый взгляд...

Он, пройдя через все сражения,
Седоватый стал, грузноватый,
Может быть, по чьему-то мнению,
Даже «трошки пидстарковатый»;
Ну, а вам, хоть вся жизнь с ним вместе,
Все он кажется — как невесте...
Может быть, потому так кажется,
Что не с тихих дней, не с лазури —
Начиналась жизнь прямо с бури,
Ну, а в бурю узлы крепче вяжутся!

Было всякое в жизни этой,
Было счастье ближе и дальше,
Но как в песне, на совесть спетой,
Одного в ней не было — фальши.

2

После юности первых взлетов
Показалась вам наказаньем
Строевая его работа,
Гарнизонная жизнь в Рязани.
Чуть рассвет — шел к себе в пульроту,
Приходил угрюм, озабочен...
Обожал свои пулеметы,
А жену, как видно, не очень...
Вы пожаловались несмело —
А его, как плетью, огрело!

Вместо вами стыдливо жданной
Ласки: «Что ты, милая, глупая...»,
«Собирай,— сказал,— чемоданы!» —
И ушел, сапогами хрупая.
Чуть тогда вы с ним не расстались,
Но поплакали — и остались,
Догадались — не разлюбил он,
Просто слишком самолюбивый.
Хоть имеет два «Красных Знамени» —
Храбрость храбростью, знанья знаньями!
За душою всего два класса.
Приласкал бы, да нету часа —
Как вернется, так вечер целый
Чертит, чертит на схеме стрелы;
Схемы разные, стрелы разные,
А глаза всю неделю красные.

Даже вы, бывало, раз нужно,
Прикусив язык, не дыша,
Обводили те стрелы мужние
Тушью после карандаша.

Кое-кто сомневался — где ему!
Но у мужа характер твердый:
Трижды резался в Академию —
Все же выдержал на четвертый;
Это было в тот месяц самый,
Когда дочка родилась ваша
И Иван Степаныч — упрямый —
В вашу честь назвал ее Машей.

И вам стало жаль, что в двадцатом,
Когда первенца вы рожали,
То зачем-то грозно Маратом,
А не Ваней его назвали.

Академия, Академия!
Горы книг, до утра сидения,
Для мужей на всю жизнь наука,
А для жен — по мукам хождение,—
Легче бы уж просто разлука!

Выпуск — праздник! Вдвоем — по Волге.
В Сочи — месяц! В Крыму — неделя!
Отдыхали так, чтоб надолго,
Словно в воду оба глядели.

Как вернулись — пошло, поехало —
Назначения, перемещения...
И винить-то, главное, некого —
Не попросит никто прощения!

Не родные вас замуж выдали —
Вы судьбу себе сами выбрали:
Жизнь не райскую и не адскую,
Посредине как раз — солдатскую.

Где вы только с ним не служили,
За собой детей перетаскивая!
Все места показать, где жили,—
Надо к карте вставать с указкою.
Под Чимкентом в тифу лежали,

Под Читой в третий раз рожали...
Умер сын... То ли врач был молод,
То ли в сопках — под сорок холод,
То ли тряской была дорога...
Сами выжили — слава богу!
Целый месяц, пока лечили,
Ждали, что доктора присудят,
И свой приговор получили:
Двое есть, а больше не будет.

К той поре уж вы постепенно
От себя все реже скрывали,
Что особые перемены
В вашей жизни будут едва ли
И что, странствуя по Союзу
Всей семьей по военным литерам,
Вам уже не закончить вуза
И заочно даже не вытянуть,
Уж не стать той, себе обещанной
В двадцать лет, идеальной женщиной,
Что вам в жизни порой встречаются,
А у вас вот не получается...

Говорят — неглупая, умная,
Говорят — на подъем легка...
А не все, что в двадцать задумано,
Исполняется к сорока.

Словно плот по течению тащит —
Переезды, семья, детишки...
И бывает так много чаще,
Чем в прочитанных вами книжках.

Да, вы высших школ не кончали,
Но прошли, несмотря на это,
Свои радости и печали —
Свои собственные университеты.

И давно уж не вы к кому-то
Шли свои утолять печали,—

Вам, в слезах прибежав под утро,
Горе женщины поверяли,
Чтоб решили, чтоб рассудили,
Потому что для них вы были
Не полковничьею женою,
Просто так — при нем путешественницей,
А то другом их, то судьею,
Тем, что люди зовут общественницей.

Слово это как будто скромное,
Вроде даже чуточку детское,
А как вдумаешься — огромное,
Ростом в целую власть советскую.

В самых дальних из гарнизонов,
Пояса́ из огня, из стали
Помогали нам строить жены,—
Слово это недаром знали!
Жили так, чтоб семья без трещин,
И в бетоне нашей границы
Есть их молодости отцветшей
Принесенные в дар частицы.
Есть, заложенные в основанье,
Кроме цемента и песка,
Неисполненные желанья,
Неиспользованные отпуска,
Ненадеванные по году,
Потому что случая нет,
Платья, вышедшие из моды,
К свадьбе сшитые в двадцать лет.

Вы простите, что так подробно,
Ставлю точку. Больше не будем...
Но об этом, Марья Петровна,
Тоже знать не мешает людям.

Ничего, не машите руками,
И у вас ведь сердце не камень!

3

Все на том же Востоке Дальнем,
Но уже не в Чите — в Посьете,
Вы встречали деньком печальным
Вашей свадьбы двадцатилетье.

Муж на зимнем выходе в поле,
Сын в Рязани в пехотной школе,
Все в отъездах, в разъездах, заняты!
Даже дочь не дома. И пусть.
Это только у вас на памяти
Дни их праздников наизусть.

Так за все двадцать лет взгрустнулось,
Словно сердце перевернулось.
Походили пустыней комнат —
Неужели так и не вспомнят?

Стали к зеркалу, погляделись —
Вот и первый седой ваш волос...
Спеть попробовали — не пелось
В пустоте этих комнат. Голос
Был, как в поле несжатый колос...

И такая к себе вдруг жалость,
Словно к брошенной, незаконной!
Разрыдались бы, не удержались,
Если б не звонок телефонный!

В трубке голос зимний, хрипатый,
С промежуточной, в поле чистом,
Незнакомый голос солдата —
Полкового телефониста:

— Командир дивизии просит
Передать его поздравления
И что явится к вам, доносит,
Прямо с марша, без промедления.
Если же в ноль часов он не будет,
Просит сутки продлить до завтра...

Что вы, Марья Петровна? Будет!
Будет с трубкой сидеть в слезах-то!

Вы же знали, что позвонит он,
Хоть вот так, хоть через солдата,
Вы же знали, что лишь на вид он
Невнимательный, грубоватый
И что вовсе не безответно
Столько лет в нем души не чаете.
Или это вам не заметно?
Что лукавите, не отвечаете?

И сейчас вот, меня в гостиной
Одного подымить оставив,
По аллее немецкой длинной
Слева, под руку, как в уставе,
Он ведет вас, чтоб не устали.
Что-то на ухо вам толкует,
И, не видя, что я вас вижу,
Притянув за локоть поближе,
Неожиданно вас целует,
За мгновение перед этим
Глазом вправо стрельнув и влево,
Словно вы с ним — седые дети
И боитесь чьего-то гнева.

Вы смеетесь — отсюда слышу,
А потом о чем-то серьезном...
А потом голоса все тише
Под прозрачным, еще беззвездным,
Под чужим и далеким небом,
Под которым с войны я не был.
Вечер. Мира восьмое лето.
На аллее два силуэта...

4

Час вечерний — время особое,
Когда, за день сойдясь заранее,
Нас толпою злые и добрые
Обступают воспоминания:

Эшелона дымные полки,
Первый бой, что до слез несладок,
Бомбы — в раненых на двуколке,
Первый ненависти припадок.

Первый хриплый свисток атаки,
Немец, навзничь вскинувший руки,
В штопор скрученные бензобаки,
Снег, пожарище, труп старухи.

На воде шипенье осколков,
Сталинградская переправа.
Голос, помнящийся мне долго:
— Ты — налево, а я — направо.
И обнявший меня за шею,
На плече навсегда уснувший
Друг, минуту назад в траншее
Только шагом правей шагнувший.

Под крылом, партизанской ночью
Фонарями — тире и точки,
И, на случай ошибки, в клочья
Писем порванные листочки.
И опять дороги, стоянки,
Самолетов связных болтанки,
Молотящие с ревом длинным
Марсианских калибров пушки.
И рассвет.
И с лесной опушки
Дым и зарево над Берлином.

Ну, а вам про что вспоминается
В этот вечер, Марья Петровна?
— Тот июнь, где все начинается...
Муж назначен приказом в Ровно
Принимать дивизию срочно
И лететь пока без семьи.
— Жаль, привык здесь, дальневосточник,
Ну, да ладно — всюду свои!

Поцелуй на аэродроме...
А с утра — начало войны.
Кто поймет до конца вас, кроме
Командирской, как вы, жены?

Жить при нем часовым бессонным,
Кочевать с ним по гарнизонам,
По медвежьим углам недобрым,
По ученьям да по маневрам.
Жизнь прожить, как рука с рукою,
А когда война началась,
Что за горькое горе такое —
Без него вы, а он без вас.

Хуже нету этого худа:
Слушать, слушать каждую ночь
Лишь обрывки вестей оттуда,
Где ничем ему не помочь,
Где ваш муж, считая бесчестьем
Без приказа выйти из боя,
Лег с дивизией своей вместе,
Киев загородив собою.
Вам про смерть его написали
Двое тех, что к своим попали,
Как до смерти его не бросали,
Даже как могилу копали.
Так в подробностях всех жестоки
Были эти солгавших двое,
Что вы там, на Дальнем Востоке,
Еще долго жили вдовою.

А что все же его увидали,
Сам нисколько не виноват он.
Виноваты в этом солдаты,
Что присягу не зря давали,
Что тащили на плащ-палатке
Полумертвого командира,
Да тот фельдшер, что клал заплатки
На пробитые в теле дыры,
Да ночами небо безлунное,
Да здоровье его чугунное.

5

На Урале, на полдороге,
Было первое ваше свидание.
Десять суток в пути, в тревоге.
Ко всему готовясь заранее,
Торопясь, тесемки халата
Оборвав в приемном покое,
Вы бегом вбежали в палату,
Чтоб увидеть, что с ним такое.

На какие-то полсекунды
Показалось почти обидным,
Как он встретил на ласку скудно,
Как вам руку пожал обыденно.

Усадил у себя на койке —
Побледневший, одутловатый.
Все шутил про свои осколки,
Что уже разыскали пятый,
А шестого — по донесеньям,—
Как ни роют,— никак не выроют,
И приходится — нет спасенья —
Ждать, пока всего разминируют.
Но внезапно будто сломалась
Им придуманная броня:
— Э, да ты поседела малость...
Скоро, мать, обгонишь меня!

Вы сидели рядом, молчали,
Долго руку в руке держали
И глядели ему в глаза —
В глубине их жила слеза;
Не растроганная, а страшная,
Ледяная, расплаты ждавшая
За разгром и гибель вчерашнюю,
За дивизию, мертвой павшую...

(Ту слезу, за четыре года
Не пролив ее ни при ком,

Лишь в Берлине, в конце похода,
Муж ваш с глаз сдерет кулаком!)

Вы сидели рядом и знали:
Он вас любит и рад вас видеть,
Но из госпиталя, как выйдет,
Он домой заедет едва ли.
Он не каменный и не железный,—
Но об этом с ним бесполезно.

Через месяц вы уезжали
Двумя встречными поездами.
Оба поезда опоздали,
Вы с ним ждали в холодном зале.

Ждали, жали друг другу руки,
Зная все и все же не зная,
Что отмерено с ним разлуки
Вам теперь без конца без края,
Что вам три беспощадных года
Будет помниться с двух сторон
Та свердловская непогода,
Заметенный до плеч перрон,
Снег, к летящим окнам прилипший,
Рев гудка на последней фразе,
Тот уральский день, разделивший
Вас двоих, как Европу с Азией.

6

Десять дней потом напролет
Вы качались на верхней полке.
А в душе — будто битый лед,
Будто смерзшихся слез осколки.

Так хотелось поехать с ним,
С дорогим своим, золотым,
Мыть, стирать бы ему рубашки,
Промывать ему в ранах гной,

Не женою — не те замашки,—
Санитаркой простою в строй.
Только чтобы с ним всюду рядом.
А убьют — так одним снарядом.

Не хотела просить — откажет,—
Слава богу, характер знала.
Но к отъезду решила: скажет.
И в последнюю ночь сказала.
Сел, еще в бинтах, на кровати,
Стали ласковыми глаза.
Час молчал, все волосы гладя,
А потом отрезал: — Нельзя!
Досиди уж там, где сидела,—
Мне спокойней будет для дела.
Ну, а дело его — война,
Значит, снова молчи, жена!

Маша, доченька, мать встречала —
Слезы радости на ресницах!
Не догадывалась, не знала,
Что на сердце у вас творится,
Что готова хоть завтра мать
Всё — и дом и дочь — побросать
И уехать — ее бы воля! —
В дальний край, где поет свинец,
Где в неведомом снежном поле
Насмерть бьется с врагом отец.

Собрала таких же солдаток,
Как сама, целый вечер пела,
И, как муж говорит, «порядок»,—
К утру сердце перекипело,
А какой осадок на дне —
Знать лишь мужу да вам — жене.

7

Письма, письма!
Безбожно долго
Вас на Дальний Восток везут.

Дымный след протянут над Волгой,
С толкачом на Урал вползут,
Под Тюменью застрянут где-то,
Под Читою влезут в туннель
И дотащатся до Посьета
Хорошо, как за пять недель.

От столов и до подоконников
Почта вечно полным-полна,
Из квадратов и треугольников
Заливает ее волна.
Под неслышный здесь грохот пушек,
Торопясь, с утра дотемна
Сортируют трое девчушек
То, что пишет домой война.

Но не могут, как ни наметаны,
Всё поспеть их глаза и руки,—
Штатом почты не предусмотрено
То, что целый народ в разлуке.
Муж писал вам в неделю раз.
Жив. Здоров. Скучает по вас.
Сослуживцам привет. И дочке.
Все всегда на одном листочке.
С твердым росчерком, с точной датой —
Так, как пишет солдат солдату.

И бывало вам, как лекарство,
Как от женских тревог спасенье,
Это через все государство
К вам пришедшее донесенье.

Иногда, то реже, то часто,
Приходили письма от сына:
Про товарищей, про начальство,
Про последнюю кинокартину
И про то, что теперь уж точно —
Не задержат их ни черта! —
Они едут на фронт досрочно,
Весь их курс подáл рапорта!

Над письмом его пригорюнясь,
Вы роняли слезы на скатерть,—
Как наивно боится юность,
Что войны на нее не хватит!

Машка — дочь, девчонка с косою,
Все сидит, уткнувшись в газету:
— Мама, сколько лет было Зое? —
И глаза отводит от света.

Мать все видит, все понимает:
Вот и эта спешит туда же,
И сбежит еще, кто их знает...
— Не пущу, и не думай даже!
Час обиженно промолчала,
А потом тихонько, упрямо:
— Мам, а мама! Послушай, мама,
А ведь ты сама воевала!

Где-то вырыла с того света
Снимок ваш — в сапогах, в шинели —
И заставила спеть. И спели,
Как умрем мы за власть Советов!

За ночь снег напáдал до окон.
Дочь давно уж по-детски спит,
Только мать, подперевши щеку,
Все над карточкой той сидит.

8

А назавтра вдруг телеграмма:
«Едем в бой, до свиданья, мама!»

Вот и оба у вас на фронте...
День по комнатам проходили,
То одно, то другое тронете,
Даже и обед не варили...
Дочь пришла, в лицо посмотрела,

Молча ужин сама согрела...
Нет, вам с этой минуты мало
Тех забот, что раньше хватало:
Рынок, очередь в два квартала,
Приготовить да постирать,
Утром дочку в школу собрать,
Для нее, как себе, бывало,
Платья старые перешить...
Хоть и занят весь день, а мало,
Нету права так дальше жить,
Когда сын за отцом вдогонку
Где-то едет в снегах на фронт
И уносит его трехтонка
За кровавый тот горизонт.

Правда, кровь вы пять раз сдавали
И пойдете завтра в шестой,
Но такая помощь едва ли
Не казалась самой простой.
Кто из женщин в тот год суровый
Свою кровь для своих жалел?
А уж вам-то, такой здоровой,
Это делать сам бог велел!

Был бы госпиталь здесь — туда бы
Санитаркой или кухаркой:
Все, что делать умеют бабы,
Делать так, чтобы небу жарко!
Жалко, госпиталя здесь нет —
У границы стоит Посьет.

Десять служб обошли, пожалуй,
Ни к одной душа не лежала.
Вам хотелось здесь, в тишине,
Службу выбрать ближе к войне.

Городская почта — домишко,
Где всего лишь месяц назад
Вы ругали девчат, что слишком
Долго письма у них лежат;

А теперь вот сидите сами
За конторкою у стола,
А сидевшая перед вами
Добровольно на фронт ушла.

Письма, письма!
                    Нет, хладнокровно
Разбирать их по адресам
Все три года, Марья Петровна,
Не хватало уменья вам!

Как раскладывать по кварталам
Голоса всех живых и мертвых,
Что дошли, словно гул металла,
В треугольниках полустертых?

Только адрес есть на конверте,
А в конвертах — жизни и смерти.
Если б знать вам, на почте, тут же,
Что внутри там! Был в окруженье?
Жив? Нашелся? Ранен? Контужен?
Пал, по слухам, в первом сраженье...
Слух, что умер,— взять не поверить
Задержать, запросить, проверить.
Слух, что жив,— конверт отложив,
В телефон закричать, что жив!

Но приходит девочка в старых,
Сбитых набок маминых ботах
И берет всех судеб удары,
Радость чью-то и смерть кого-то
И, сверяясь с книгой рассыльной,
В сумке, от угла до угла,
Тащит весь тот груз непосильный,
Что ей за день война дала.

Как вы прожили те три года,
Бесконечных тысячу дней?
Вам казалась ваша работа

То всех легче, то всех трудней.
Потому казалась труднее,
Что с нее, как с большой горы,
Было горе людей виднее,
Всем невидное до поры.
Ну, а легче порой казалось,
Потому что двоих своих
Терпеливей в разлуке ждалось
Среди стольких разлук других.

Сколько слез людских за неделю,
Сколько жалоб, что нет письма!
Хорошо, что право имели
Им ответить: — Я жду сама.
— А у вас он где?
                    — Под Москвою.
— А у вас?
               — У меня под Мгой.
(Промолчав, что у вас их двое
И не знаете, где другой.)

Сын служил в парашютно-десантных,
Был сегодня здесь,
                    завтра — там...
Нет, отец его в адъютанты
Не пристраивал по фронтам,
Не искал ему мест потише,
Не укрыл от передовой.
Вот и вышло, что редко пишет
И рискует там головой.

Жило, спрятанное поглубже,
Как притоптанный уголек,
Что-то вроде упрека мужу:
«Мог бы, мог! А не поберег».
Но при этом прекрасно знали —
Окажись они завтра дома,—
Не посмели б так, не сказали
Ни тому из них, ни другому!

После службы дома постыло
Вам, как многим в те годы, было.
Шли усталая, на ночь глядя,
Да и то лишь дочери ради.

Как умели, ее воспитывали,
Как могли накормить — кормили,
По субботам полы с ней мыли,
Чувства праздника не испытывая.

И под всем на вас легшим бременем,
С днями этими и ночами,
Не хватало порою времени
Тосковать, как раньше, вначале,
Даже тою злою тоскою,
Приходящей вдруг по ночам:
Что другие там, под рукою,
И что пятый десяток вам;
Письма письмами, а разлука
Уж на годы счет повела...
Даже ревность — женская мука —
Редкой гостьей у вас была.
То ли слухов не доходило,
То ли страшно подумать было.

А ответить совсем уж точно:
Долгой ночью ли, долгим днем,
Не на этом сосредоточены
Были ваши мысли о нем.

На душе то лучше, то хуже,
Но под этим всем, в глубине,
Год за годом думы о муже
Были думами о войне.

Всей стране приходится круто —
Тут отдельный счет не ведут.
И, по совести, вы салютов
Ждали так же, как писем ждут.

9

А теперь о самом тяжелом.
В сорок пятом, в зимнюю стужу,
Наконец-то с фронта пришел вам
Долгожданный вызов от мужа,
Чтобы вы выезжали сразу,
И такие две нежные фразы,
Даже холод прошел по коже,
Даже на него не похоже.

И уже чемодан под полкой,
И, с улыбкой слезы мешая,
Дочка просит: — Чтоб ненадолго!
— Ничего, проживешь... Большая!

И глядите почти без грусти,
Как перрон поплыл понемногу.
Как ни странно, дурных предчувствий
У вас не было всю дорогу.

Вам казалось, что все понятно:
Он вас ждет к одной годовщине,
К той, которую так приятно
Не самой напомнить мужчине!
Дело было теперь за вами,
Как в дороге не сплоховать бы,
Оказаться там, куда звали,
К дню серебряной вашей свадьбы.

И успели! К удаче вашей,
Через три гробовых метели
Лейтенант, вас звавший мамашей,
Свой «У-2» дотащил до цели.
А потом с адъютантом мужа,
Вдруг на сына чем-то похожим,
Целый час еще — бездорожьем,
Ранней оттепелью, по лужам...
И, подпрыгивая на сиденье,
Все вопросы, за все три года:

— Не болел ли? Не поседел ли?
Как нога в дурную погоду?
Адъютант отвечал сурово,
Словно стоя перед ревизией:
— Никак нет, командир дивизии
Не болел. И сейчас здоровый.
Точно так. Генерал весь белый,
А давно ль — адъютант не знает;
Прежний знал, да миной задело,—
Он лишь временно заменяет.

Муж не встретил — уехал в части;
Приказал, чтоб вы его ждали,
И нагрянувшего несчастья
В эту ночь вы не угадали.

Только утром, когда при встрече,
Весь залеплен грязи кусками,
Он, не сняв шинели, за плечи
Взял вас дрогнувшими руками,
А глаза его затосковали,
Словно сердце вам оборвали,
«Что, убит?» — о сыне спросили
Тоже молча, глазами только,
И почти нелюдским усильем,
Деревянно сели на койку.

Утешать вас даже не пробуя,
Муж сидел, говорил, как было,
Зная сам, что оба до гроба вы
Не смиритесь с этой могилой.

— Посылать тебе извещенье
Не хотел... Хотел тебе сам...—
И, как будто прося прощенье,
Гладил, гладил по волосам.

Вы сидели не живы словно —
Умереть, заснуть, не вставать бы...
Так вы встретили, Марья Петровна,
День серебряной вашей свадьбы.

10

А назавтра «виллис» заправлен
Так, чтоб сделать двести и двести:
Генералу к соседу справа
Надо съездить с женою вместе.

Все оформлено по закону:
Сам командующий по телефону,
Материнского горя ради,
Разрешил отлучиться на день.

Зная, как возить генерала,
Жал водитель — все девяносто!
Аж брезент на лету сдирало
Да мелькали польские версты.

А жена с генералом рядом
Села, руку рукою сжала
И ни влево, ни вправо взгляда,—
Словно тут сто раз проезжала.

Как впилась в стекло ветровое,
Так и смотрит,— даже обидно,
Будто видит что-то такое,
Что другим никому не видно.

Генерал ей и то и это:
— Не замерзла? Не продувает?
А она на все без ответа,
Только руку крепче сжимает.

Да, он прав был, этот водитель,—
Всю дорогу, в метели волнах,
Вам казалось, что вы глядите
На далекий маленький холмик,
Где лежит на землю уроненный
И землею той же прикрытый
Сын ваш — месяц назад схороненный,
Но для вас — лишь вчера убитый.

И когда вы наземь слезали
У фанерного обелиска,
Вы все это издали знали —
Только вдруг увидели близко.

Вы не плакали, не рыдали,
А дрожа, как в лютую стужу,
Молча два часа простояли,
Опираясь на руку мужа.
И уж было совсем собрались,
Но, не выдержав, обернулись —
И вот тут-то и разрыдались!
А когда наконец очнулись,
Оторвав глаза от платочка,—
Глаз других увидели муку
И с пучком озябших листочков
На могилу легшую руку.

Перед вами тихо стояла
Девушка в солдатской шинели,
Видно, вас тут пережидала,
Даже руки все посинели.
Где цветы она отыскала,
Где зимой — в январе — достала их?
А лицо такое усталое,
Словно месяц глаз не смыкала...

Вас обеих какой-то силой
Уж почти толкнуло друг к другу...
Но она ль себя не пустила,
Вы ль не сразу подали руку —
Вдруг рванулась, как от погони.
И ушла без слез, без вопросов.

И запомнились только косы,
Да снежок на левом погоне,
Да листочков зеленых чудо
На снегу, на могиле сына,
Да самою, невесть откуда,
Имя данное — Катерина...

11

На обратном пути смотрели
На лежавшие при дорогах
Танки, что здесь насмерть сгорели,
На деревья в черных ожогах,
На часовни без крыш и окон,
Все, как в оспе, в следах осколков.
Как от дому уже далеко...
А идти еще надо сколько!

Сколько будет еще, кто знает,
Этих — со звездой — пирамидок
На холмах, друг друга сменяя,
Не скрывающихся из виду!

Если б каждая, что теряла
Сына в каждом смертном бою,
Над могилой, как вы, стояла,
Принеся сюда скорбь свою,—
Даже только на этих склонах,
На просторах этих полей
Их не счесть бы — фигур, согбенных
Над могилами сыновей.

Плыл вечерний дымок над хатой,
И обочиною, сторонкой,
Шли молоденьких два солдата
С фронтовой, в сапогах, девчонкой;
И, как дома, тоненько-тоненько,
Позабыв, что кругом война,
Где-то пела вдали гармоника,
Чтоб слышней была тишина.

Генерал из машины вышел,
Посмотрел на красный закат
И угрюмо сказал: — Затишье! —
Так, как будто он виноват.

Вы смолчали, Марья Петровна,
Сами знали, что долг отца —
Путь оставшийся хладнокровно
За двоих пройти до конца.

Ну, а вы? Неужели даже
И теперь он вас не поймет?
Что нужны вы ему — не скажет,
Здесь остаться не позовет?
Ночью, за невеселым ужином,
Встал, сказал сурово, без жалоб:
— Порознь, думаю, будет хуже нам,
Лучше, если б не уезжала.
Где-нибудь тебя опреде́лим,
Там, где надо, не как жену,—
В ППС или в политотделе
Довоюешь с нами войну.

Сел, замолк, словно снова нет его.
Да, недаром вы четверть века
И любили и знали этого
Неречистого человека,
Говорившего слово «нужно»
Только — если уж до зарезу,
Говорившего слово «дружба»
Только — если уж, как железо,
И сидевшего терпеливо,
Ожидая от вас ответа...
Даже в горе почти счастливой
Вас минута сделала эта.

Утешения, ласки — все мимо,
Все не вовремя, глупо, рано,
Только словом «Необходима!»
Заживляют смертные раны.

Для того и позвал сюда:
— Ты нужна. Остаешься?
— Да!

12

Третью трубку курю, скучая,
Без хозяина и хозяйки.
Головами тихо качая,
Липы шепчутся на лужайке.
И, как вежливые домочадцы,
Пошуметь отлетев в сторонку,
Даже дятлы в парке стучатся
Не как наши — редко, негромко.

Где-то близко тени мелькнули,
Под ногою ветка сломалась...
— Как вы тут без нас, не заснули?
Мы с женой загулялись малость!

Генерал садится в качалку,
Как обычно, немногословный,
Тронув за конец полушалка,
Чтоб присела и Марья Петровна.

— День в делах, а поближе к ночи
Так бывает домой охота...
Вот и ходим, дорожки топчем,
Мы ведь с нею оба — пехота.

Кисть платка тихонько покручивая,
Погрустнев, притомившись за день,
Вы сидите с мужем, задумчивая,
В потемневшее небо глядя.

На земле кругом все немецкое,
А луна не здешняя — русская.
И, песком посыпана, детская
Вьется небом дорожка узкая,

Вьется вдаль надо всем, что пройдено,
Над местами, где муж служил,
Над полями, где сын за родину
Честно голову положил,

Над Курильской грядой бессонною,
Где, небось, уж рассвет встает
И где ваша дочь
гарнизонную
Службу с мужем своим несет,—
С тем, казавшимся вам отпетым
С тем отчаянным, с тем проклятым
Капитаном, что из Посьета
Взял увез ее в сорок пятом...

А теперь давно, как ни странно,
Они счастливы оба с Машею,
И зовут майора Иваном,
Как Ивана Степаныча вашего.

Тянет в небе далекой гарью...
Хорошо, что не только тут,
Что вторые Иван да Марья
На Курилах где-то живут
И что всюду, где есть военный
Самый маленький городок,
Есть и этот, обыкновенный,
Неразлучный, как вы, цветок.

1954.

Константин Михайлович Симонов
ИВАН ДА МАРЬЯ

Редактор — **Н. СЕКУНДОВ.**

А 04266. Подписано к печати 22/V 1958 г. Тираж 150 000. Изд. № 617

Заказ № 863. Формат бумаги 70×108 1/32. 0,5 бум. л.— 1,37 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»

1958 год

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

№ 1. Сергей ДИКОВСКИЙ. **Настоящее.** Рассказы. Цена 70 коп.

№ 2. Василий КАЗИН. **Великий почин.** Поэма и стихи. Цена 40 коп.

№ 3. Людвик АШКЕНАЗИ. **Бабье лето.** Перевод с чешского. Цена 80 коп.

№ 4. Борис ЗУБАВИН. **За Рогожской заставой.** Повесть. Цена 90 коп.

№ 5. Л. КУДРЕВАТЫХ. **С Валерием Чкаловым.** Цена 70 коп.

№ 6. Бела ИЛЛЕШ. **Золотой гусь.** Рассказы. Перевод с венгерского. Цена 80 коп.

№ 7. Николай ГРИБАЧЕВ. **Лирика.** Цена 40 коп.

№ 8. Лидия СЕЙФУЛЛИНА. **Рассказы и воспоминания.** Цена 60 коп.

№ 9. Лев ШЕЙНИН. **Динары с дырками.** Цена 1 руб.

№ 10. Вильям САРОЯН. **Три, четыре, пять, вышел зайчик погулять.** Рассказы. Перевод с английского. Цена 80 коп.

№ 11. Сергей ВОРОНИН. **В паводок.** Рассказы. Цена 70 коп.

№ 12. Л. АРГУТИНСКАЯ. **Татьяна Соломаха.** Цена 50 коп.

№ 13. **Рассказывают олимпийские чемпионы.** Цена 60 коп.

№ 14. Николай ТИХОНОВ. **Начало эры.** Рассказы. Цена 80 коп.

№ 15. Николай СИДОРЕНКО. **Первый снег.** Стихи. Цена 40 коп.

№ 16. Борис ЕГОРОВ, Ян ПОЛИЩУК, Борис ПРИВАЛОВ. **Бремя славы.** Юмористические рассказы. Цена 80 коп.

№ 17. ПРЕМ ЧАНД. **Секрет цивилизации.** Рассказы. Перевод с хинди. Цена 70 коп.

№ 18. В. СТАРИКОВ. **Байкальские рассказы.** Цена 70 коп.

№ 19. Максим ТАНК. **След молнии.** Стихи. Авторизованные переводы с белорусского. Цена 40 коп.

№ 20. Виталий ЗАКРУТКИН. **Подсолнух.** Рассказы. Цена 80 коп.

№ 21. Анатолий ФЕРЕНЧУК. **Беспокойная душа.** Рассказы. Цена 60 коп.

№ 22. В. РЕВУНОВ. **В грозный час.** Рассказы. Цена 50 коп.

№ 23. Катарина Сусанна ПРИЧАРД. **Рождественские деревья.** Рассказы. Перевод с английского. Цена 70 коп.

Цена 40 коп.